

В. П. Алексеев

К ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Первая публикация краниологических материалов из Луговского могильника ананьинской культуры привлекла к себе пристальное внимание, так как она ввела в научный оборот научные данные, свидетельствующие о своеобразном морфологическом облике древнего населения Прикамья скифского времени¹. Оказалось, что ананьинская культура принесена людьми, относившимися в целом к монголоидной расе, но отличающимися весьма своеобразной особенностью, не свойственной монголоидам,— низким лицом, которое характерно для представителей европеоидной расы. Особенность эта не могла быть объяснена только европеоидной примесью, которая в составе ананьинцев, несомненно, была, так как по всему комплексу остальных признаков черты монголоидной расы были выражены достаточно отчетливо. Т. А. Трофимова справедливо сделала вывод, что антропологический тип населения ананьинской культуры сформировался, хотя и не без участия европеоидной примеси, но на основе какого-то монголоидного типа, отличавшегося известным своеобразием при сравнении с другими типами монголоидной расы и принесенного из лесных и лесостепных районов Западной Сибири. Однако вторая публикация материалов по палеоантропологии ананьинской культуры, содержащая описание краниологической серии из Гулькинского могильника, не подтвердила этого предположения, так как черепа из этого могильника отличались не только низким лицом, но и другими европеоидными особенностями². Низколицесть в сочетании с другими европеоидными особенностями, следовательно, можно было объяснить в данном случае в рамках гипотезы о значительном участии европеоидного компонента в формировании ананьинского населения Прикамья.

Повторная и более полная публикация серии из Луговского могильника подтвердила, что монголоидные особенности в антропологическом комплексе этнической группы, оставившей Луговский могильник, все же преобладают, хотя лицевой скелет оказался очень низким³. Опираясь на археологические данные, Т. А. Трофимова высказала предположение, что этот своеобразный комплекс мог появиться в Прикамье еще в предананьинское время.

Исследование черепов из могильника Маклашеевка II, более раннего, чем Луговской и Гулькинский, показывает, что в период существова-

¹ Трофимова Т. А. Черепа из Луговского могильника ананьинской культуры.— Уч. зап. МГУ. Вып. 63. М.: Изд-во МГУ, 1941.

² Трофимова Т. А. Черепа из Гулькинского могильника ананьинской культуры.— Материалы и исследования по археологии СССР (далее МИА), № 42. М.: Изд-во АН СССР, 1954.

³ Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР.— Тр. Ин-та этнографии АН СССР (далее ТИЭ), т. IV. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Первая публикация этого материала: Чугунов С. М. Черепа Ананьинского могильника.— Приложения к протоколам заседаний о-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те, № 228. Казань, 1904.

ния этого могильника физический тип населения Прикамья отличался заметно более европеоидными чертами — более длинной черепной коробкой, сильнее выступающим носом и т. д.⁴ Правда, Г. Ф. Дебец визуально отметил неоднородность серии из Маклашеевского могильника и даже пришел к выводу о том, что появление нового населения, принесшего собственно ананьинскую культуру, не привело к заметному изменению антропологического состава населения Прикамья. Основанием

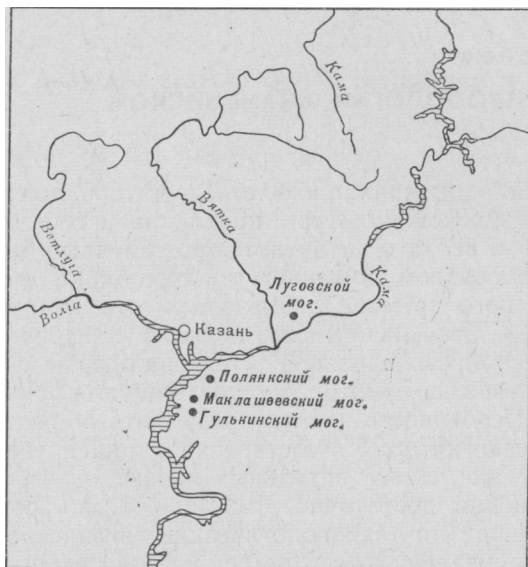

Рис. 1. Географическое положение могильников ананьинской культуры, давших палеоантропологический материал

для такого вывода послужило то обстоятельство, что в составе серии из Луговского могильника также были отмечены длинноголовые черепа с сильно выступающей носовой областью, сближающиеся, как и аналогичные черепа в серии из Маклашеевского могильника, с сериями из могильников срубной культуры. Но в целом луговская и гулякинская серии, несомненно, более монголоидны, чем маклашеевская. Таким образом, складывалось впечатление, что появление ананьинской культуры связано все же со значительным увеличением доли монголоидного компонента. Поэтому любой новый материал по палеоантропологии ананьинской или более ранней культуры, который может дать новые данные для освещения этих вопросов, представляет значительный интерес.

Новый материал, находящийся в моем распоряжении, получен при раскопках могильника Полянка II (рис. 1), который раскапывал А. Х. Халиков в 1962 г.⁵ Он датируется первыми веками I тысячелетия до н. э. и, таким образом, синхронен второму Маклашеевскому могильнику. Эта датировка определяет и значение полученного из него краниологического материала для решения вопроса о древности монголоидного компонента в Прикамье.

⁴ Трофимова Т. А. Еще раз о черепах из Луговского могильника ананьинской культуры (в связи с вопросом о низколицем монголоидном типе в Сибири).— В кн.: Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука, 1968.

⁵ Халиков А. Х. Второй Полянский могильник.— Уч. зап. Пермского государственного ун-та, № 148. Пермь, 1967; его же. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969; его же. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа VIII—VI вв. до н. э. М.: Наука, 1977.

Небольшая серия из 12 черепов (шесть мужских и шесть женских) потребовала серьезной реставрационной работы, которая была мастерски произведена М. М. Герасимовой. Пол определялся краниоскопически, т. е. визуально по черепу, а во избежание ошибок результаты контролировались многими специалистами, спорные случаи особенно придирчиво обсуждались. Это нужно особо отметить, потому что по величине многих признаков женские черепа не уступают мужским, чему, однако, трудно придавать какое-либо значение и что, вероятно, связано со случайностью выборки. Определение возраста не встретило затруднений — все черепа принадлежат взрослым людям, преимущественно 30—40 лет. Трем индивидуумам было по 18—20 лет, но у них уже прорезались зубы мудрости, поэтому они включены в подсчет.

Антропологический тип исследуемой серии весьма своеобразен (табл.). По соотношению диаметров черепной коробки мужские черепа не отличаются от мужских черепов центральноазиатских монголоидов; по уплощенности лица и носа они сходны с южносибирскими и уральскими монголоидами. Но по высоте лица они резко отличаются и от тех и от других, даже от европеоидных серий, образуя особую низколицую группу, высота лицевого скелета в которой абсолютно не гармонирует с общим довольно сильно выраженным монголоидным обликом. Таким образом, перед нами та же комбинация признаков, что и в Луговском могильнике. Вопрос о раннем появлении низколицых монголоидов в Прикамье в эпоху, предшествующую собственно ананьинской культуре, разрешается, следовательно, положительно. Таким образом низколицый монголоидный тип был характерен для населения Прикамья еще в доананьинское время и появился, видимо, не позже первых веков I тысячелетия до н. э.

Следующая не менее существенная проблема — происхождение низколицего монголоидного типа. Исследователи, работавшие над ней до сих пор, связывали происхождение этого типа с Западной Сибирью. Палеоантропологические материалы как будто позволяют поддержать такую точку зрения. Так, низколицые монголоидные черепа были найдены в могильниках болынереченской культуры на Северном Алтае⁶, а также в Козловском и Перейминском могильниках на Оби⁷. В какой-то мере этот же тип представлен и в ранних, по-видимому, гунно-сарматских погребениях Усть-Тартасского могильника⁸. Все эти материалы относятся к несколько более позднему времени, чем могильник Полянка II, но они свидетельствуют о том, что сходный морфологический комплекс был действительно свойствен древнему населению Западной Сибири. В Южной Сибири этот комплекс отмечен при исследовании черепов таштыкской культуры Минусинской котловины⁹ и скифского времени с территории Тувы¹⁰. Наконец, та же комбинация была зафиксирована в серии из Фофановского могильника¹¹ и из плиточных могил Забай-

⁶ Алексеев В. П. Палеоантропология лесных племен Северного Алтая. — Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР (далее КСИЭ). Вып. XXI. М.: Изд-во АН СССР, 1954.

⁷ Золотарева И. М. Черепа из Перейминского и Козловского могильников (Средняя Обь). — МИА, № 58, М.: Изд-во АН СССР, 1957.

⁸ Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР; Дремов В. А. Антропологические данные о древнем населении Обь-Иртышского междуречья (Усть-Тартасский могильник). — В кн.: Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1978.

⁹ Алексеев В. П. Палеоантропология Хакасии эпохи железа. — Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР (далее Сб. МАЭ), т. XX. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1961.

¹⁰ Алексеев В. П. Основные этапы истории антропологических типов Тувы. — Сов. этнография, 1962, № 3.

¹¹ Гохман И. И. Материалы по антропологии древнего населения низовьев Селенги. — КСИЭ. Вып. XX. М.: Изд-во АН СССР, 1954.

Индивидуальные измерения и средние исследованных черепов

Признаки	1	Номер погребения				27	<i>Cf X (ri)</i>	Номер погребения				80	<i>Q ** (")</i>
		3	4	13	18			15a	21	25	27		
1. Продольный диаметр	176	173	179	162	186?	193	178,2	181	165?	191	174	176	183
8. Поперечный диаметр	138	148	159	146	141?	156	148,0	138	143?	132	138	142	140
17. Высотный диаметр (ba—br)	133	128	126?	128	132	135	130,3	132	115?	142	125	121	
20. Высотный диаметр (po—br)	111	108	III	108	116	119	112,2	109	108		108	103	112
5. Длина основания черепа	97	89?	92?	98	97	111	97,3			112	98	94	
9. Наименьшая ширина лба	96	95	96	96	100?	98	96,8	93	93?	97?	92	91	95
10. Наибольшая ширина лба	113	115	122	116?		120	117,2	117	117		108	112	115
11. Ушная ширина	114	125?	137	134?	122?	133	127,5	131	123	114?	119	123	119
12. Ширина затылка	105	113	118	102?		118	111,2	117	104		111	110	
29. Лобная хорда	112,0	107,0	100,5	102,0		119,0	108,1				103,5	103,0	107,5
Высота изгиба лобной кости	27,5	28,0	25,0	17,0		31,5	25,8				23,0	28,0	27,0
32. Угол лба (па—те)	89	86	89				87,5			78?	86	90	92
Угол лба (gl—те)	85	82	87		82		84,0			75?	82	84	85
Общий вид сверху (norma verticalis)	Ov.	Rhomb.	Sphen.	Sphen.	Ov.	Ov.		Ov.	Spha- er.	Ov.	Ov.	Ov.	Pent
Надбровье (1—6 по Мартину)	2	2	1	2	2	2	1,83 (6	2		2	2		2
Сосцевидный отросток (1—3)	1	2	3	1	3	2	2,00 (6	1		1	1		2
8:1 Черепной указатель	78,4	85,5	88,8	90,1	75,8?	80,8	83,3 (6	76,2	86,7?	69,1	79,3	80,7	76,5
17:1 Высотно-продольный указатель	75,6	74,0	70,4?	79,0	71,0?	70,0	73,7 (6	72,9	69,7?	74,3	71,8	68,8	
17: Высотно-поперечный указатель	96,4	86,5	79,3?	87,7	93,6?	86,5	90,0 (6	95,7	80,4?	107,6	90,6	85,2	
9: Лобно-поперечный указатель	69,6	64,2	60,4	65,7	70,9?	62,8	65,6 (6	67,4	65,0?	73,5?	66,7	64,1	67,9
9:10 Лобный указатель	85,0	82,6	78,7	82,8?		81,7	82,2 (5	79,5	79,5?		85,2	81,2	82,6
9:12 Лобно-затылочный указатель	91,4	84,1	81,4	94,1?		83,1	86,6 (5	79,5	89,4?		82,9	82,7	
Указатель высоты изгиба лоб- ной кости	24,5	26,2	24,9	16,7		26,5	23,8 (5				22,2	27,2	25,1
40. Длина основания лица	99	82?	91?		96		92,0 (4	100		105?	100		
43. Верхняя ширина лица	102	99	107	106	106?	105	104,2 (6	102?		101?	101?	101	102
45. Скуловая ширина	128	128?	145	140?			135,2 (4	133?			127?	126?	128
46. Средняя ширина лица	98	91?	103				97,3 (3					86?	99
47. Полная высота лица											100?		103
48. Верхняя высота лица													61
50. Максиллофронтальная хорда	60	64?	70?		71		66,2 (4	64?		67	64	62	
(mf — mf)	16,5		21,5				19,0 (2			19,0	19,0	18,0	19,0
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	45,0		47,0?				46,0 (2	40,5		41,0	40,0	40,5	38,5
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	42,0		43,0?				42,5 (2			38,5	38,5	39,0	36,5
52. Высота орбиты (лев.)	29,0	34,5	35,0		37,5		34,0 (4	37,0		33,5	32,5	32,5	31,0

54.	Ширина носа	26		29	—			27,5 (2)	24		24	26?	25	22	24,2(5)
55.	Высота носа	45	50	56		52	—	50,8(4)	48		54	49	49	45	49,0(5)
	Форма нижнего края груше- видного отверстия	anth.	anth.	anth.		inf.			anth.			anth.	anth.	anth.	
	Передне-носовая ость (1—5 по Броку)	3	—	2	—	2	—	2,33 (3)	2		—	2	—	3	2,33 (3)
	Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	3,5	—	4,5	—	—	—	4,0 (2)	—		5,0	5,0	4,0	6,0	5,0(4)
62.	Длина нёба	45	—	—				45,0 (1)	43			44		44	43,5(3)
63.	Ширина нёба	44	42	—	44	42		43,0(4)	39		39	39	38	38	38,6 (5)
43 (1).	Биорбитальная ширина (fmo—	98,0	92,5	101,0	100,0		95,0	97,3(5)				96,0	92,5	95,0	94,5(3)
JOW sub.	Высота пазина над биорби- тальной шириной	17,5	16,5	17,0	15,5	—	15,0	16,3(5)	—		—	18,0	16,0	16,0	16,7(3)
	Зигомаксиллярная ширина (zm'—zm')	96,5	—	102,5	—	—	—	99,5(2)	—		—	—	87,0	95,0	91,0(2)
	Высота субспинале над зиго- максиллярной шириной	21,0	—	20,5?	—	—	—	20,8(2)	—		—	—	15,0?	22,0	18,5(2)
DC.	Дакриальная хорда	18,7	—	—				18,7(1)				18,9	17,6	20,0	18,8(3)
DS.	Дакриальная высота	11,1	—	—	—			11,1 (1)				12,6	11,1	9,4	11,0(3)
SC.	Симотическая хорда	10,3	12,2?	13,1				11,9(3)	—		10,2	9,5	7,2	8,1	8,8(4)
SS.	Симотическая высота	3,1	5,7	4,7				4,5(3)			5,6	3,8	4,4	2,9	4,2(4)
72.	Угол профиля лица общий —	81	86?	84		84?	—	83,8 (4)			88?	81		85	84,7 (3)
73.	Угол профиля средней части лица	82	88	86		84?		85,0(4)				81	93?	84	86,0 (3)
74.	Угол профиля альвеолярной части лица	77	79	74	—	84?	—	78,5(4)	—		—	81	—	89	85,0(2)
75.	Угол носовых костей к гори- зонтали	63	45	65	—	63?	—	59,0(4)	—		64?	57?	68?	62	62,8(4)
75(1).	Угол носовых костей к линии профиля	18	41?	19	—	21?	—	24,8(4)	—		24?	24?	—	23	23,7(3)
77.	Назомаллярный угол (fmo—п— fmo)	141	141	143	145	—	145	143,0(5)	—		—	139	142	143	141,3(3)
	Зигомаксиллярный угол (zm'— SS—zm')	133	—	136?	—	—	—	134,5(2)	—		—	—	142	130	136,0(2)
40:5.	Указатель выступания лица	102,1	92,1?	98,9?		99,0	—	98,0(4)			93,8?	102,0	91,5		95,8(3)
45:8.	Горизонтальный фациоцере- бральный указатель	92,8	86,5?	91,2	95,9?			91,6 (4)	96,4?			92,0?	81,7?	91,4	90,5(4)
48:17.	Вертикальный фациоцеребраль- ный указатель	45,1	50,0?	55,6	—	53,8	—	51,1 (4)	48,5?		47,2	51,2	51,2	—	49,5(4)
47:45.	Общий лицевой указатель	—	—								—	78,7?		80,5	79,6(2)
48:45.	Верхний лицевой указатель	46,9	50,0?	48,3	—	—		48,4(3)	48,1?			50,4?	49,2?	47,7	48,8(4)

(Таблица продолжение)

Признаки			Номер погребения			Cfx(n)	Номер погребения				
			13	18	27		15a	21	25	27	80
52:51.	Орбитный указатель от mf	64,4	74,5?			69,5 (2)	91,4	81,7	81,3	80,3	80,5
	(лев.)										
52:51a.	Орбитный указатель от d (лев.)	69,1	81,4?			75,3(2)		87,0	84,4	83,3	84,9
54:55.	Носовой указатель	57,8	51,8			54,8(2)	50,0	44,4	53,1?	51,0	48,9
63:62.	Нёбный указатель	97,8				97,8 (1)	90,7		88,6		86,4
DS :DC.	Дакриальный указатель	59,4				59,4 (1)			66,7	63,1	47,0
SS:SC.	Симотический указатель	30,1	46,7?	35,9		37,6 (3)		54,9	40,0	61,1	35,8
	Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	28,0				28,0(1)					24,1
65.	Бикондилярная ширина		130			130,0(1)					119
66.	Бигониальная ширина	99	111	99	105	103,5(4)					93
68.	Длина нижней челюсти от углов		82			82,0(1)					77
8(1).	Длина нижней челюсти от мыщелков		106			106,0(1)					95
70.	Высота ветви нижней челюсти		52			52,0(1)					58
71a.	Наименьшая ширина ветви нижней челюсти		33,0	35,0	38,0	35,3(3)	34,5		34,0		37,5
79.	Угол ветви нижней челюсти		120			120,0 (1)					111
	Угол выступания подбородка (inf—po)	60	72	67	56	64,8 (4)					79

$\leq 3-M$
 145
 $o \ JI$
 141
 137
 $y-T$
 133
 $\begin{array}{c} \bullet \\ \tau \\ o \\ y \end{array}$
 $J \text{---} I \text{---} L2 \text{---} L$
 $\quad \quad 23 \quad \quad 27$
 $\quad \quad \quad \quad \quad 31$
 $\quad \quad \quad \quad \quad < 75 \ C/D$

Рис. 2. Межгрупповое соотношение зигмаксиллярного угла и угла выступления угловосовых костей к линии лицевого профиля в древнем населении Сибири. Мужские черепа. У—Т—Усть-Тартасский могильник, Т—таштыкские могильники Минусинской котловины, У—уюкские могильники Тувы, П—плиточные могилы Забайкалья

Все эти материалы говорят о том, что низколицевость была характерным признаком населения многих районов Сибири в скифское и в более позднее время. Однако при их сравнении бросается в глаза заметная разница по многим признакам. В первую очередь это относится к уплощенности лица и носовой области (рис. 2). Черепа из плиточных могил Забайкалья не отличаются по уплощенности лица и носовых костей от бурятских и эвенских серий и, таким образом, могут считаться принадлежащими классическим носителям монголоидной расы. Характерным для центральноазиатских монголоидов признаком является и средняя по длине, очень широкая и низкая черепная коробка с узкой лобной костью — этот признак присущ серии из плиточных могил. В то же время остальные серии имеют гораздо менее уплощенный лицевой скелет и более выступающие носовые кости, что свидетельствует об их смешанном монголоидно-европеоидном облике. Поэтому и низколицевость этих серий нельзя рассматривать непременно как следствие особых расогенетических процессов, а можно объяснить как результат значительной европеоидной примеси. Поэтому же, основываясь только на палеоантропологических данных, трудно понять происхождение низколицевого монголоидного комплекса в составе древнего населения Прикамья, так как в Западной Сибири, откуда постулируется его движение на запад, он известен нам только уже в сильно смешанном виде после того, как

¹³ Публикация этого материала подготовлена к печати М. М. Герасимовой, которая любезно ознакомила автора с результатами исследований.

подвергся метисации. Что же касается прямых связей населения Прикамья с населением, оставившим плиточные могилы в Забайкалье, то, конечно, их трудно отрицать полностью (как вообще на основании антропологических данных трудно отрицать полностью какие бы то ни было связи), но они, учитывая расстояние и отсутствие культурной близости, выглядят маловероятными.

К анализу проблемы происхождения низколицего монголоидного типа можно привлечь результаты антропологического изучения современного населения. Так низколицесть в сочетании с сильно выраженным комплексом монголоидных особенностей отмечена у чулымцев Западной Сибири¹⁴, у эвенков Подкаменной Тунгуски¹⁵, а также у тувинцев восточных районов и тофаларов¹⁶. При оценке собранных данных следует учитывать, что соматологическая методика в отличие от краниологической исключает полную унификацию и что соматологические данные собраны разными исследователями. Действительные различия могут быть преувеличены в одних признаках и преуменьшены в других. Так, явно несравнимы данные по высоте лица в двух группах чулымцев Западной Сибири. Особенно это касается морфологической высоты лица. Не лучше обстоит дело и с выступанием скул.

Даже по цвету волос и глаз, которые определяются с применением шкал, различия между подкаменно-тунгусскими эвенками и восточными тувинцами явно завышены. Но пользуясь преимущественно группами, изученными в поле одним исследователем, т. е. сопоставляя в первую очередь чулымских татар и подкаменно-тунгусских эвенков, изученных Г. Ф. Дебецом, можно отметить существенные различия между ними по нескольким признакам. Подкаменно-тунгусские эвенки в сравнении с чулымскими татарами заметно более круглолобые, высоколицы, темноглазы и менее бородаты. Кроме этого, они отличаются более низким переносьем, менее профилированным лицом и более жесткими волосами. Таким образом, восточные и западные варианты современного низколицего населения различаются целым комплексом признаков. Но характерно, что все они укладываются в рамки обычно наблюдаемой на территории Сибири корреляции между признаками, другими словами, отражают в меньшем масштабе те различия, с помощью которых обычно дифференцируются европеодные и монголоидные типы. Правда, с таким направлением межгрупповой корреляции не координируется черепной указатель.

Каково значение этих различий между эвенками Подкаменной Тунгуски и тюркоязычным населением Чулыма? Как коррелируют они с различиями, отмеченными в палеоантропологических материалах? Прежде всего, как мне представляется, они свидетельствуют против чрезмерного расширения ареала так называемого катангского типа, т. е. собственно монголоидного типа, характерного для средней Сибири¹⁷. Возможно, он представляет собой, как думают некоторые исследователи, реальную единицу расовой систематики, но ареал его если и заходил далеко на запад, то лишь в виде отдельных вкраплений. Комбинация антропологических признаков у чулымцев свидетельствует уже о наличии у них европеоидного компонента, и поэтому они не могут быть отнесены к катангскому типу. Это самостоятельный вариант уральского комплекса. Образовался ли он в результате метисации низколицых монголоидов

¹⁴ Дебец Г. Ф. Селькупы (антропологический очерк).— ТИЭ, т. II. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1947; Розов Н. С. Антропологические исследования коренного населения Западной Сибири.— Вопросы антропологии. Вып. 6. 1961.

¹⁵ Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области.— ТИЭ, т. XVII. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

¹⁶ Левин М. Г. К антропологии Южной Сибири.— КСИЭ. Вып. XX, 1954.

¹⁷ Обсуждение проблемы см. Рышков Ю. Г. Материалы по антропологии западных тунгусов.—ТИЭ. Т. XXI. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

Средней Сибири с какими-то европеоидами или имеет иное происхождение — сказать пока трудно.

Возвращаясь к палеоантропологическим материалам территории Прикамья, отметим, что низколицый монголоидный комплекс мог проникнуть сюда с территории Западной Сибири, возможно, из бассейна Чулыма, где он наиболее четко выражен и в настоящее время, но комплекс этот был уже метизированным, включившим в свой состав европеоидную примесь. Г. Ф. Дебец в свое время писал, что уральский комплекс (основной антропологический комплекс среди народов Западной Сибири) сложился предположительно на рубеже н. э. в результате метисации местного древнего монголоидного населения Западной Сибири, восходящего, вероятно, к эпохе неолита, с европеоидным, пришлым с юго-востока, из степей Алтае-Саянского нагорья¹⁸. Но единственный неолитический череп, из всех до сих пор описанных с территории Западной Сибири, происходит из Усть-Куренгского могильника и вряд ли мог принадлежать более раннему времени, чем рубеж нашей эры¹⁹. Поэтому логично предположить, что европеоиды проникли в лесостепные и лесные районы Западной Сибири и даже далеко на север ранее рубежа нашей эры.

В Прикамье уже смешанный монголоидно-европеоидный тип попадает, как об этом свидетельствует палеоантропологический материал из второго Полянского могильника, на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа, т. е. раньше, чем предполагалось до сих пор, исходя только из палеоантропологических наблюдений. Таким образом, Луговской могильник, относящийся к более позднему времени, чем второй Полянский могильник, мог быть оставлен племенами не непосредственно переселившимися с территории Западной Сибири, а проживавшими уже в Прикамье на протяжении нескольких столетий. По-видимому, и смешение пришлых низколицых монголоидно-европеоидных групп с местным населением началось раньше, чем в середине I тысячелетия н. э., еще в доананьинское время, что подтверждается данными по серии Гулькинского могильника, отличающейся от собственно ананьинской большей выраженностью европеоидных особенностей.

На основании сходства большинства черепов из второго Маклашеевского могильника со срубными сериями раньше делался вывод о том, что европеоидное население, которое застали переселенцы из Западной Сибири в Прикамье, преимущественно связано с населением срубной культуры. Однако в настоящее время палеоантропология Поволжья эпохи бронзы обогатилась новыми материалами. В частности, антропологические черты абашевских племен, на основании изучения единичных черепов²⁰, теперь могут быть реконструированы на основании гораздо более полной серии, полученной А. Х. Халиковым при раскопках Пепкинского кургана. Изучение этой серии, произведенное М. М. Герасимовой и Г. В. Лебединской²¹, показало, что по своему морфологическому типу она практически не отличается от серии срубной культуры. Весьма вероятно, что абашевские племена — это тот европеоидный компонент, который был основным в Прикамье до переселения с востока монголоидных групп. Во всяком случае, такая возможность ничуть не менее вероятна, чем его непосредственная связь с населением срубной культуры.

¹⁸ Дебец Г. Ф. Проблема заселения северо-западной Сибири по данным палеоантропологии. — Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры АН СССР. Вып. IX. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

¹⁹ Алексеев В. П. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы. — ТИЭ. Т. XXI. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

²⁰ Акимов М. С. Палеоантропологические материалы с территории Чувашской АССР. — КСИЭ. Вып. XXIII. М.: Изд-во АН СССР, 1955.

²¹ Халиков А. Х., Лебединская Г. В., Герасимова М. М. Пепкинский курган (абашевский человек). — Труды Марийской археологической экспедиции, т. 3, Йошкар-Ола, 1966.

Еще одна проблема, встающая в связи с изучением черепов из второго Полянского могильника,— о структурно-биологической гомогенности или гетерогенности оставившего этот могильник населения. А. Х. Халиков показал, что культурная атрибуция отдельных погребений могильника разнообразна и в нем представлены как собственно ананьинские комплексы, так и комплексы выделенной им приказанской культуры. Вариабельность отдельных морфологических признаков велика и в несколько раз превосходит стандартное квадратическое отклонение²² (рис. 3). В целом индивидуальная изменчивость всегда значительно больше групповой, но в данном случае разрыв в абсолютной величине вариаций больше обычного. Можно думать, что в полянской популяции сохраняются следы механического смешения между европеоидным и смешанным европеоидно-монголоидным населением, о котором говорилось выше. Но механическое смешение уже во втором поколении обычно переходит в биологическое и соответственно этому меняется характер внутригрупповой изменчивости признаков (они стремятся к нормальному распределению). Соотнося смешанный состав полянской ситуации с историческими событиями второй половины I тыс. до н. э., мы можем прийти к выводу, что он поддерживался на доананьинском или раннеананьинском этапах непосредственными и достаточно стабильными брачными контактами с европеоидным населением.

TO THE PÂLAEOANTHROPOLOGY OF THE ANANYINO CULTURE

The object of the study is the palaeoanthropological material from the Polyanka II cemetery located in the Kama River basin and dating from the early centuries of the first millenium B. C. The skulls have a combination of mongoloid features but are distinguished by a very low facial skeleton. The author comes to the conclusion that the low-faced mongoloid component infiltrated into the Kama River area in the period preceding the rise of the Ananyino culture.

²² См. таблицы, составленные Г. Ф. Дебецом в книге: *Алексеев В. П., Дебец Г. Ф.* Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964.